

СЕРЬГИ И ВИСОЧНЫЕ ПОДВЕСКИ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Наиболее массовую категорию археологического материала — керамику — принято считать одним из важнейших элементов культуры, отражающим все изменения в быту народа, который ее оставил. Следует отметить, что и украшения порой являются ярким этническим признаком, хотя металлические изделия не только могли быть предметом широкого обмена, но и отличались относительной долговечностью.

Несмотря на длительность изучения андроновской культуры, хронология и классификация украшений этого времени по сути дела еще не разработаны. Подробный обзор андроновских украшений сделан М. Н. Комаровой (1962), но за прошедшие после этого годы стали известны новые археологические комплексы андроновской культуры, которые требуют пересмотра ряда положений данной хронологической классификации.¹

Так, серьги и височные подвески, рассматриваемые нами с точки зрения их распространения и выяснения локальных и хронологических особенностей, позволяют сделать некоторые новые наблюдения и выводы.

При классификации украшений нами принято следующее деление: типы выделены по форме и способу крепления украшения, варианты — по технике изготовления и материалу.

Необходимо, однако, сначала четко определить, что мы будем называть серьгами и что подвесками, ибо очень часто одни и те же украшения называются исследователями по-разному. Затем рекомендуется установить терминологическое единообразие. Определения, имеющиеся в этимологических и толковых словарях, позволяют принять следующие термины:

¹ За полученную возможность ознакомиться и опубликовать отдельные материалы из раскопок М. П. Грязнова, А. Х. Маргулана, М. К. Кадырбаева, А. М. Оразбаева, В. Ф. Генянг, Ф. Х. Арслановой и В. И. Матющенко приношу им искреннюю благодарность.

серьга — ушное украшение в виде створчатого кольца, продеваемое в мочку уха, а все остальное — подвески.

Путем классификации и типологического анализа мы выделяем два типа серег: с раструбом и трубчатые. Эти два типа делятся на несколько вариантов.

Серьги с раструбом представляют собой круглое или овальное кольцо, один конец которого заострен, а второй — полый — исполнен в виде раструба и служит замком. В этом типе три варианта: литые, кованые и с намечающимся раструбом.

1. Серьги с раструбом, литые (рис. 1, 1—4). Массивные, округлой формы, один конец заострен, второй расширен в виде неглубокого раструба (высота 3—4 мм, диаметр 8—15 мм). На некоторых раструб настолько маленький, что напоминает скорее гвоздиковидную шляпку (Кытманово, могила 23 — Уманский, 1967, с. 97; Купухта, курган 7 — Кузьмина, 1963, рис. 39, 3; Еловка II, мог. 108 — Матющенко, 1973, рис. 9, 5). Литые серьги с раструбом характерны для восточноказахстанских (Зеванино,² Предгорное³), прииртышских (Черноозерье I),⁴ новосибирских (Ордынское),⁵ верхнеобских (Кытманово — Уманский, 1967, с. 97) и приобских (Еловка II) федоровских племен.

2. Серьги с раструбом, кованые (рис. 1, 5—12). Изготовлены из прута круглого в сечении (диаметр 1.5—4 мм). Один конец ковкой заострен, а второй расплюсчен в форме треугольника и свернут в конический раструб (вы-

² Ф. Х. Арсланова. Отчет о раскопках 1967—1970 гг. Архив ИИАЭ АН КазССР. — Вещи хранятся в музее Усть-Каменогорска.

³ С. С. Черняков. Отчет о раскопках 1964 г. Архив ЛО ИА АН СССР.

⁴ В. Ф. Генянг, Н. Н. Ещенко. Отчет о раскопках 1969 г. Архив Свердл. гос. ун-та.

⁵ М. П. Грязнов. Новосибирская археологическая экспедиция 1953—1954 гг. Гос. Эрмитаж, оп. 2272/7.

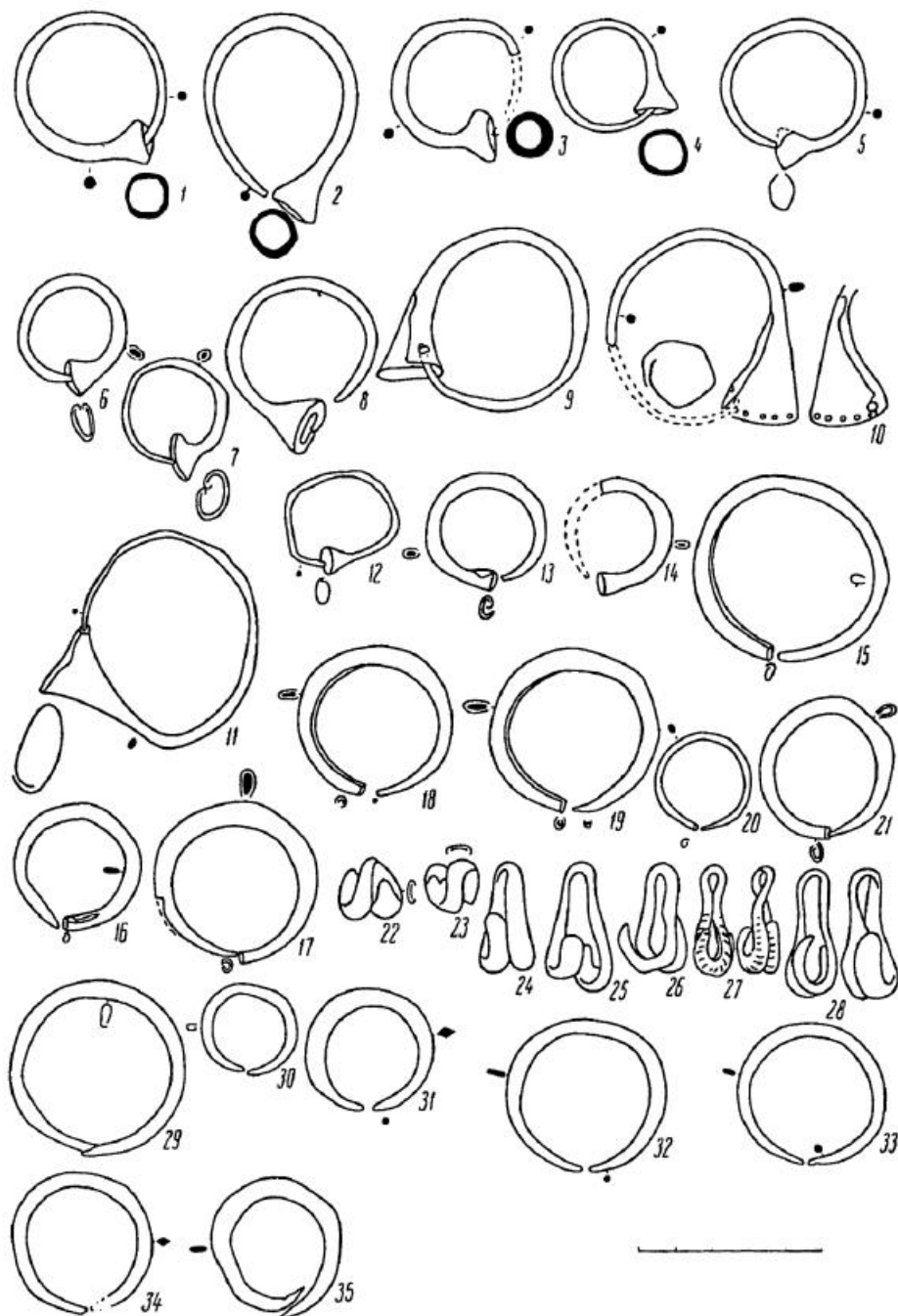

Рис. 1. Серьги и височные украшения.

1—4 — литые серьги с раструбом (1 — Черноозерье I, мог. 76; 2 — Еловна II, мог. 2; 3 — Зеваино, курган 157; 4 — Ордынское, мог. 1); 5—12 — серьги с кованым раструбом (5 — Боровое, ограда III; 6 — Боровое, ограда 5; 7 — Малый Койтас, мог. 4; 8 — Сангуыр II, ограда Б; 9 — Таш-Тюбе II, ограда 20, серебряные; 10, 11 — Муминабад, мог. 3; 12 — Кытманово, мог. 4); 13, 14 — серьги с намечающимися раструбами (13 — Сухое Озеро, курган 617; 14 — Новоселово, ограда 5); 15, 21 — кованые полые трубчатые серьги (15 — Тасты-Буган, ограда 44, мог. 1; 21 — Бес-Оба I, ограда 2); 16—20 — литые стержневые трубчатые серьги (16 — Биырек-Коль, ограда IV; 17 — Боровое, ограда 10; 18 — Кытманово, мог. 24; 19 — Кытманово, мог. 2; 20 — Преображенка, курган 12, мог. 2); 22, 23 — круглые желобчатые подвески (22 — Кытманово, мог. 21; 23 — Жыланды, ограда 7); 24—28 — восьмеркообразные подвески (24 — Увак, курган 15; 25 — Новый Кумак, курган 4; 26 — Кызылкыр I; 27 — Гуджайли; 28 — Кокча 3); 29, 30 — кольцевидные подвески полые (29 — Черлики II, раскоп 2, погр. 3; 30 — Атасу, ограда 3); 31—35 — кольцевидные подвески литые, стержневые (31 — Черноозерье I, мог. 43; 32 — Еловна II, курган 51; 33 — Дандыбай I, курган 2, погр. 3; 34 — Орак, мог. 32; 35 — Каменка II, ограда 23, мог. 1).

сота 4—15 мм, диаметр по краю 1—2 см). Затем эту заготовку сворачивали в кольцо. Форму кольца можно было изменять, отчего некоторые серьги имеют очертание овала. Как правило, заостренный конец входит в раструб-замок. Конец заостряли, очевидно для удобства продевания серьги в мочку уха и для запира-ния. Серьги этого типа встречаются окован-ными тонким золотым листком (Боровое — Оразбаев, 1958, табл. IV, V; Малый Койтас — Грязнов, 1927, рис. 25, 7; Зевакино и др.). Техника изготовления чисто золотых колец ана-логична (Кытманово, Предгорное, Муминабад).

Золото, видимо, высоко ценилось и для на-дежности на стенке раструба делалась застеежка в виде отверстия, куда входил крючковид-ный заостренный конец серьги. Эта деталь ха-рактерна для всех среднеазиатских серег, от-личающихся также и коническим раструбом диаметром 2—2.5 см; диаметр всей серьги 4.5—5 см (Таш-Башат, Таш-Тюбе II — Кожемяко, 1960, рис. 5, 2; Тегирмен-Сай — Абетеков, 1963, рис. 36, 1; Дахана — Литвинский и др., 1962, с. 162; Муминабад — Лев, 1966, рис. 38, 4; Ас-каров, 1970, рис. 3, 3). Интересно отметить, что на двух бронзовых серьгах Муминабадского могильника венчик раструба украшен пунсон-ным орнаментом (Аванесова, 1972, рис. 4). Все эти детали заметно выделяют среднеазиатские серьги из остальной массы североказахстанских (Боровое), восточноказахстанских (Малый Кой-тас) и центральноказахстанских серег (Сан-гуыр II — Кадырбаев, 1961, табл. 12) этого же типа федоровских племен.

3. Серьги с намечающимся раструбом (рис. 1, 13, 14). Они округлой формы, сделаны из свер-нутого тонкого бронзового листа, внутри кото-рого заключена формовочная земля. Один ко-нец такой серьги тоже заострен, а другой свер-нут едва заметной конической трубочкой, на-поминающей раструб. Этот вариант серег изве-стен только на Енисее (Сухое Озеро I,⁶ При-стань I⁷). Оригинальна пара таких серег из могильника Соленоозерская I,⁸ украшенных гравированным орнаментом в виде заштрихо-ванных треугольников по всей окружности и косыми насечками по раструбу. Оракские серьги (Комарова, 1961, табл. XV, 10) не-сколько отличаются по технике изготовления от других енисейских. Их скорее можно отнести к типу кованых серег с раструбом. Нам пред-ставляется, что эта деталь не случайна, ибо

⁶ Г. А. Максименков. Отчет о раскопках 1968 г. Архив ЛОИА АН СССР. Вещи хранятся в Гос. Эрмитаже.

⁷ М. Н. Комарова. Отчет о раскопках 1963 г. Гос. Эрмитаж, оп. 2384-7, 2384-26.

⁸ Н. В. Нащекин. Могильник Соленоозерская I. Отчет 1964 г. Архив ИА АН СССР.

оракский комплекс более тяготеет к так назы-ваемым чисто федоровским памятникам, в от-личие от остальных енисейских. Возможно, здесь имеют место хронологические различия.

Некоторые исследователи считают серьги с раструбом датирующей особенностью ранних памятников андроновской культуры, так как они обычно встречаются только в федоровских памятниках, по шкале периодизации К. В. Саль-никова. Однако новые находки их в памятни-ках Средней Азии, Западного Казахстана (Ку-пухта) и факт появления в определенных рай-онах массивных литых украшений этой кате-гории заставляют пересмотреть их дату.

Трубчатые серьги круглой формы, один конец заострен, второй — с трубчатым расширением, куда входит острый конец. По технике изготовления можно различить два ва-рианта: кованые и литые.

1. Серьги трубчатые, кованые (рис. 1, 15, 21). Сделаны из тонкого листа, свернутого в полую трубочку на органической основе. Один конец заострен и входит в трубчатый за-мок. Иногда обернуты тонким листком золота (Бегазы — Маргулан и др., 1966, табл. XIII, 1; Бес-Оба I⁹; Алепаул — Рыков, 1935, рис. 41). Этот вариант серег встречается только в ала-кульских памятниках Центрального Казахста-на (Бегазы, Бес-Оба I, Алепаул) и у племен Западного Казахстана (Тасты-Бутах — Соро-кин, 1962, табл. XXXVII, 20, XXXVIII, 3, 4; Кожумберды — Кузьмина, 1969, рис. 49). Одна пара серег известна и в памятниках таутары-нского типа (Тау-Тары — Максимова, 1962, с. 39).

2. Серьги трубчатые, литые (рис. 1, 16—20). Круглые, в сечении овальные или ромби-ческие. После отливки один конец заострен, другой расплющен и свернут в трубочку, куда входит первый конец. Как многие андроновские украшения, эти серьги также обертывались тонким листком золота. В таком виде они из-вестны в североказахстанских (Боровое) и верхнеобских памятниках (Кытманово — Уман-ский, 1967, с. 97; Пригородное хозяйство и Волчиха — Грязнов, 1956, рис. 1, 1, 2). Кроме того, они встречены в памятниках новосибир-ского круга (Преображенка, Вахрушево,¹⁰ Красный Яр I — Троицкая, 1969, рис. 3, а; на р. Ур), только в отличие от остальных на верхней Оби они не литые, а сделаны из круглого в сечении прута. Этот тип серег встре-чается, как правило, в федоровских памятни-ках. Исключение составляет пара серег из мо-гильника Тасты-Бутах (ограда 3, могила 2).

⁹ А. Х. Маргулан. Отчет о раскопках 1969 г. Архив ИИАЭ АН КазССР.

¹⁰ Т. Н. Троицкая. Отчет о раскопках 1968 г. Архив ИА АН СССР.

Какие же выводы можно сделать из рассмотрения географического распределения серег андроновской культуры?

Своеобразие форм, техника изготовления позволяют видеть в них характерный этнический признак. Представляется вполне вероятным самостоятельное изобретение столь несложных форм этих двух типов серег. Между ними наблюдается преемственность, что сказывается в технике изготовления и форме. Картографированием можно проследить их эволюцию (рис. 2). Наиболее ранними, видимо, являются полые трубчатые серьги. Вероятно, металл ценился высоко и древние ювелиры для экономии изготавливали своим модницам легкие украшения из полых трубочки. Первыми их, очевидно, стали изготавливать племена Центрального или Западного Казахстана. Далее этот тип находит свое развитие в енисейских серьгах с едва намекающимся раструбом и уже отсюда переходит в классический вид андроновского украшения — серьги с широким раструбом. Распространение их на огромной территории свидетельствует о том, что такая серьга была характерным украшением племен андроновской культурной общности, хотя в отдельных районах и наблюдаются, как указывалось, некоторые особенности, видимо этнографического порядка.

Однако не исключено, что различия объясняются и хронологической причиной, о чем свидетельствуют серии литых серег с раструбом, найденных в сочетании с федоровской керамикой и ножами позднесрубного времени (Зевакино, Еловка II, Черноозерье I). Если учесть принятую многими исследователями дату алакульских памятников XVI—XV вв. до н. э., то памятники федоровского типа, видимо, нужно считать более поздними. Может быть, это будет касаться не всех памятников всего андроновского ареала, а только некоторых отдельных регионов. В пользу более молодого возраста федоровских памятников свидетельствует находка сосуда федоровского типа совместно с керамикой бегазинского типа в одной могиле в могильнике Туткубаево, который относится к числу типичных памятников федоровского этапа.¹¹ Это не случайное явление, ибо известно, что федоровские традиции хорошо прослеживаются в керамике карасукского времени не только в орнаменте, но и в форме сосуда. Несомненно федоровской традицией, а не алакульской, следует считать находки в могилах карасукского времени определенных кусков жертвенного мяса. Как архаические черты в алакульских памятниках

можно отметить украшения из просверленных раковин и зубов животных; подвески, бляшки, серьги, сделанные из тонких медных пластин; бусы медные простейших форм и т. д. Племена же федоровского типа уже были знакомы с тонкостями литейного производства, о чем свидетельствуют литые пуговицы-бляхи, браслеты, серьги, зеркала, мельчайшие бисерины, изготовленные, очевидно, способом литья по восковой модели и т. д. Правда, технология литья и на этой стадии была еще низка, она более развита в последующее карасукское время. Есть основание полагать, что серьги с раструбом привели в дальнейшей эволюции к новой форме ушных украшений — гвоздикovidной подвеске карасукской культуры.

Интересно, что за пределами андроновской культуры серьги с раструбом не встречены. Исключение составляет лишь золотая литая серьга, найденная вне слоя на Байкале, в Ольхон-Бурхане. Таким образом, серьги с раструбом лишней раз показывают, что на всей обширной области распространения андроновской культуры жили племена одной культуры, как исторически целое одной общности.

Желобчатые подвески в отличие от серег с раструбом, которые можно рассматривать как этнографическую особенность андроновских племен, во множестве разных вариантов распространены далеко за пределами андроновского ареала. Эти подвески известны у андроновских племен в двух вариантах: круглые и восьмеркообразные или овальные.

1. Круглые желобчатые подвески в полтора оборота сделаны из желобчатой пластины, с расширенными ложечковидными концами и относительно узкой средней частью (рис. 1, 22, 23). Размеры их обычно не превышают 2 см в диаметре. Довольно часто они покрывались листовым золотом. Этот тип украшения широко распространен от Трансильвании до Алтая, причем их ареал и период бытования во многом совпадают, хотя следует отметить, что определенным этническим образованиям свойственны разные формы и разные способы ношения подвесок в полтора оборота — это в ряде случаев хороший этнографический признак. Они различны и по размерам, и по форме бронзовых пластин и прутьев, из которых изготовлены. В этом легко убедиться, сравнив археологические материалы Ирана (Джалил Зий'агур, 1348 (1970), рис. 26, 66), Венгрии (Childe, 1936, tabl., XIII, XIVa), Трансильвании (Popescu, 1956, fig. 118, 3, 119, 1—4), Кавказа (Крупнов, 1950, рис. 23, 1, 7; Мунчаев, 1958, рис. 11, 6; Мартиросян, 1964, рис. 20, a), Поволжья, Казахстана и т. д. Интересны находки на черепахах в непогребенных погребениях полунствлевших ремешков с навязанными на

¹¹ Е. Е. Кузьмина. Отчет о раскопках 1968 г. Архив ИА АН СССР.

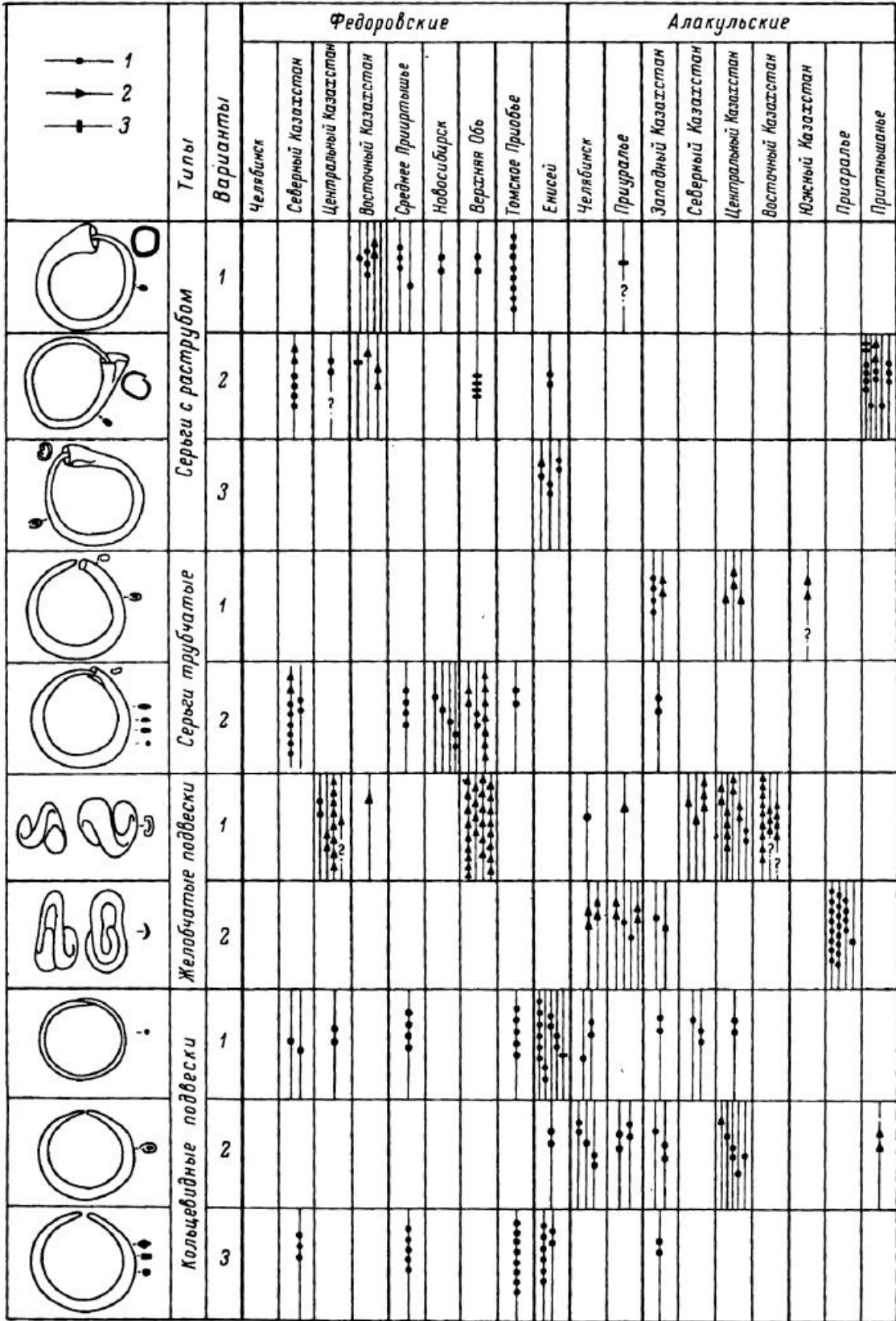

Рис. 2. Таблица распространения андроновских украшений.

Вертикальная линия соответствует одному могильнику с данным типом украшений; число знаков на ней — числу могил с таким украшением. 1 — бронза; 2 — бронза с золотом; 3 — золото.

них по 10—15 таких подвесок, представляющих, очевидно, остатки головного убора (Кытманово; Ново-Александровка — Зимина, Адаменко, 1963, рис. 3). Это позволяет предположить, что 5 подвесок из Малого Койтаса, 12 из погребения около Семипалатинска (Педашенко, 1907, с. 27, 28)¹² и 8 таких же подвесок из погребения Жыланды в Центральном Казахстане¹³ были напизаны на бронзовый плоский стержень по четыре с каждого конца, являлись также остатками головного убора, а не височными подвесками. В абашевских памятниках серебряные подвески в полтора оборота также были деталями головного убора (Ефименко, Третьяков, 1961, с. 59—60). Не останавливаясь на генезисе этого типа украшений, отметим, что несложная форма самих подвесок и столь широкое их распространение позволяют предполагать, что они могли возникнуть самостоятельно в разных областях с некоторыми технологическими различиями. Дальнейшее развитие этой формы можно видеть в так называемых восьмеркообразных подвесках, область распространения которых и время бытования несколько уже.

2. Восьмеркообразные бронзовые височные подвески (рис. 1, 24—28) изготовлены из желобчатой в сечении пластины, свернутой в полтора оборота, с округлыми, расширяющимися, заходящими друг за друга концами. Их форма — удлиненный овал, сдавленный в средней части и напоминающий восьмерку. Они характерны для тазабагыябских памятников (Кокча 3 — Итина, 1961, рис. 24, 27; Гуджайли — Гулямов и др., 1966, табл. XXIII; Кызылкыр — Аскарлов, 1962, рис. 2, 4) и для западных районов андроновской культуры (Ново-Кумак, курган 4; Увак, курган 15 — Мошкова, Федорова-Давыдова, 1964, рис. 42, 1, 2; Спасское III, курган 1;¹⁴ Купухта, курган 9 — Кузьмина, 1963, рис. 39, 1; Кожумберды, кольцо 3 — Кузьмина, 1969, рис. 49; Ульке, курган 3 — Сорокин, 1958, рис. 20, 3). Встречаются они и в памятниках срубно-хвалынского типа срубной культуры (Ровенский могильник, курган 1 — Сеницын, 1961, рис. 32, 3; Хрящевка — курган 7; Ягодное, курган 5 — Мерперт, 1954, рис. 31, 1, 2, 13; Ильменский, могила 12 — Качалова, 1970, рис. 11, 1, 5). Не останавливаясь на детальном разборе этого типа подвесок, чему была посвящена специальная статья, отметим, что картографирование

¹² Зарисовки инвентаря могилы Е погребения на р. Иртыш сделаны нами из архива А. А. Иессена (Архив ЛО ИА АН СССР, папка 47, д. 4а).

¹³ М. К. Кадырбаев. Дневник раскопок 1972 г. Архив ИИАЭ АН КазССР.

¹⁴ В. С. Стоколос. Отчет о раскопках 1961 г. Кол. опись Челябинского музея, № 1847.

и статистический анализ позволяют рассматривать их как этническую особенность алакульских памятников андроновской культуры и указывают на единую культурную принадлежность тазабагыябского населения с западноандроновским, находившимся в контакте со срубными племенами.

Вряд ли правильно усматривать в восьмеркообразных подвесках андроновцев влияние срубной культуры, так как из многих сотен раскопанных могил срубной культуры происходит всего лишь 10 экземпляров таких подвесок. Причем 4 из них сделаны по-андроновски из желобчатой пластины (2 покрыты листовым золотом), а 6 из стержня овального или круглого сечения, что не характерно для андроновских подвесок. В памятниках же андроновской культурной общности, исследованных меньше, известно более 30 однотипных подвесок.

Если встает вопрос о влиянии или, как указывалось в некоторых публикациях, о заимствовании этого типа украшений, то правильнее предполагать, что племена срубной культуры заимствовали восьмеркообразные подвески у андроновцев, а не наоборот. Это подтверждается и данными химического анализа бронзовых изделий срубной культуры (Черных, 1970, с. 113), и хронологическими сопоставлениями. Сейчас есть данные в пользу удреждения тазабагыябских комплексов; об этом говорят находки в культурном слое поселения Кокча 15 керамики периода конца Намазга V — начала Намазга VI (Итина, 1970, с. 51). Датировка алакульских памятников (где известны восьмеркообразные подвески) XVI—XV вв. до н. э. принята многими исследователями и не вызывает сомнения. Время же бытования подвесок срубной культуры из курганов у Хрящевки и Ягодного, на которые ссылались до недавнего времени как на опорные памятники при датировке тазабагыябских комплексов, определяется последней четвертью II тысячелетия до н. э. Все это говорит в пользу предположения о возникновении восьмеркообразных подвесок где-то в среде тазабагыябских или западноандроновских племен.

Кольцевидные подвески представлены тремя вариантами.

1. Проволочное кольцо с заходящими друг за друга концами, изготовленное простым сгибанием. Это одна из обычных форм украшения женщины со времени появления металла. Ареал и время бытования таких подвесок довольно широки. Так, на Енисее они известны в окуневских и даже в одном афанасьевском могильниках и продолжали бытовать вплоть до тагарского времени. У подвесок енисейских памятников концы заходили дальше и были более тонко заостренными. Возможно, они использо-

вались как серьги. Интересна золотая проволочная подвеска подобного рода в полтора оборота из Сухого Озера I. Вероятно, все кольцевидные подвески исходят из этой простейшей первоначальной формы.

2. Круглое в сечении кольцо с заостренными концами изготовлено из тонкого бронзового листа, согнутого в трубочку, иногда на какой-то органической основе (рис. 1, 29, 30). Такие подвески по технике изготовления и по частоте встречаемости аналогичны первому варианту трубчатых серег и являются этнической особенностью алакульских племен. Исключением составляет пара подвесок, найденная на Енисее (Рахимов, 1965, рис. 2). Этот вариант характерен для памятников Центрального Казахстана (Атасу, Былкылдак III, Бегазы, Котанзмель I — Маргулан и др., 1966, табл. XIII, 1; Кадырбаев, 1972, рис. 4, 6), Западного Казахстана (Киргильда — Грязнов, 1927, рис. 24, 3), Челябинского региона (Алакуль — Сальников, 1952, с. 59; Черняки I и II;¹⁵ Раскати́ха¹⁶). В Алексеевском могильнике обнаружена пара

¹⁵ В. С. Стоколос. Отчеты археологической экспедиции Челябинского краеведческого музея 1962—1965 гг., д. 263, 264—266. Кол. опись Черняки I, 1897—272—276; Черняки II, 1898—126.

¹⁶ Т. М. Потемкина. Отчет о раскопках 1967 г. Архив Свердл. гос. ун-та, ф. II, д. 49, рис. 12, 3.

таких серебряных подвесок, а в Муминабадском — бронзовых, покрытых золотом. Эти подвески являлись украшением жепских нагрудников (Алакульский могильник). К сожалению, исследователи обычно не указывают точное местоположение при погребенных мелких вещей, что затрудняет воссоздание характера одежды людей андроновской культуры.

3. Кольцевидные подвески с заостренными замкнутыми концами из круглого, удлинено-овального или трехгранного в сечении стержня (рис. 1, 31—35). Делались литыми и коваными. Область распространения этого варианта подвесок почти полностью совпадает с ареалом памятников федоровского типа, где бытовали трубчатые серьги, изготовленные из стержня. В Северном Казахстане — это могильник Боровое, в Приобье — Еловка II, на Енисее — Орак, Каменка II, в Среднем Прииртышье — Черноозерье I. Близкую аналогию подвескам третьего варианта мы находим только в первом турбинском могильнике (Бадер, 1964, рис. 88, д, ж).

В заключение следует повторить, что основная цель нашего исследования заключалась в том, чтобы представить серьги и подвески андроновской культуры в стилистической и хронологической последовательности их развития.